

«Немного левее центра...»

(действия отряда Сиверса в Бородинском сражении)

На «линии фронта» Бородинского сражения до сих пор имеется если и не «белое пятно», то весьма смутно видимый участок противоборства. Мы имеем в виду отрезок «фронта» между крайним флангом 2-й Западной армии и «засадным отрядом» Н.А. Тучкова 1-го. Попробуйте узнать из литературы, какие войска занимали этот промежуток, кто сражался южнее гвардейских полков с неприятелем, и с каким? В лучшем случае читатель узнает, что в Утицком лесу сражалась 3-я бригада генерала И.Л. Шаховского (20-й и 21-й егерские полки) из 3-й пехотной дивизии. Но сохранившийся рапорт Шаховского на удивление неинформативен, до неприличия неконкретен. В то же время, по непонятным причинам из поля зрения историков выпал тот отрывок из рапорта генерал-майора К.К. Сиверса 1-го, где говорилось о действиях его войск 26-го августа, хотя он был опубликован ещё М.И. Богдановичем. А из воспоминаний сражавшегося здесь прапорщика 33-й лёгкой артиллерийской роты Н. Любенкова изредка цитируется лишь мизерная часть. Помимо того, историки до сих пор неточно описывают участие в бою 4-й пехотной дивизии, несмотря на то, что опубликованы мемуары её командира принца Е. Вюртембергского.ⁱ Для того чтобы создать более объективную картину событий, случившихся между «флешами» и отрядом Тучкова 1-го, мы привлекли также сведения с неприятельской стороны.ⁱⁱ Но следует подчеркнуть, что пока довольно сложно определить местоположение отдельных частей противника в лесном массиве. Кроме того, сообщения мемуаристов часто расходятся между собой, особенно в том, что касается хронологии событий. Ещё сложнее

согласовать показания русских и иностранных источников, поскольку каждая сторона старалась преувеличить свои успехи и преуменьшить достижения неприятеля.

Прежде всего, заметим, что расположение шести полков 4-го резервного кавалерийского корпуса перед началом сражения 26 августа/7 сентября недостаточно ясно. Согласно диспозиции от 24 августа, он должен был находиться позади 7-го пехотного корпуса. На кроках позиции от 25 августа, подписанных М.И. Кутузовым, 4-я кавалерийская дивизия (четыре драгунских полка 12-й и 13-й бригад) расположена за 7-м корпусом, а позади неё стоят Сводная гренадерская и 2-я гренадерская дивизии. Литовский же уланский и Ахтырский гусарский полки (14-я бригада той же дивизии) изображены отдельно, южнее 27-й дивизии, на крайнем левом фланге 2-й армии, у устья Семёновского оврага, «контактируя» с егерями Шаховского. Позади этой бригады стоит 2-я кирасирская дивизия.ⁱⁱⁱ Понятно, что изображение на кроках весьма условное. Кроме того, 7-й корпус был затем выдвинут к центральному редуту и Семёновскому оврагу, Сводная гренадерская и 27-я дивизии – к «флешам», 2-я гренадерская – к д. Семёновское. Куда же переместился 4-й кавалерийский корпус? Историки изображают его всегда *в полном составе*, но в разных местах: большинство из них вслед за К.Ф. Толем помещают его за 7-м корпусом на новой позиции, а Л.П. Богданов – за 2-й гренадерской дивизией восточнее д. Семёновское.

Согласно рапорту Сиверса, он, по приказу П.И. Багратиона, утром выслал Новороссийский драгунский и Ахтырский гусарский полки «в подкрепление пехоты, расположенной в двух флешах». После потери «флешей» Новороссийский полк был «остановлен в первой линии на левом фланге позиции у прикрытия батареи», а Ахтырский отступил

«назад наших батарей». 2 эскадрона драгун Черниговского полка были приданы отряду генерала И.С. Дорохова, сражались возле «флешей» и затем были оставлены «на подкрепление кирасирской дивизии». Генерал И.Д. Панчулидзе с двумя эскадронами драгун Черниговского и двумя — Киевского полков был поставлен «за пехотными колоннами» и вместе с кирасирами генерала Н.В. Кретьева отбивал атаки французских кирасир генерала Э. Нансути. Харьковский драгунский полк сражался с «неприятельскими уланами», видимо, возле д. Семёновское. Таким образом, к моменту приближения противника к Семёновскому оврагу в распоряжении самого Сиверса должны были остаться 2 эскадрона Киевского драгунского полка и Литовский уланский полк, но в рапорте он упоминает только последний.^{iv}

В то время, когда М. Ней продолжал отстаивать Семёновские реданы, захваченные им около 10 час., к нему прибыл полковник Л. Лежен с донесением, что Ю. Понятовский, который должен был обойти левый русский фланг, «не мог этого сделать, так как встретил препятствие в слишком густом и болотистом лесу». Видимо, после этого маршал вторично приказал вестфальцам двинуться в лес. Капитан Й. Борке пишет, что после занятия люнетов «1-я дивизия под командованием генерала Тарро была послана вперёд в атаку на кустарник, который прочно удерживал неприятель; оттуда он обстреливал во фланг захваченные укрепления. Поскольку русских долго не могли выбить из кустарника, удержание их стоило многих жертв, и обладание ими оставалось ненадёжным. Одновременно 2-я дивизия под командованием генерала Охса была назначена для прикрытия и защиты укреплений». По словам капитана Линзингена, 1-я дивизия была послана вправо для поддержки 5-го корпуса, «в то время

как бригада 2-й дивизии усилила правый фланг 3-го армейского корпуса и поступила под непосредственное командование герцога Эльхингенского».

Ход этой атаки вестфальцев изложен в источниках крайне скупо и невнятно. Линзинген рассказывает: «Во время наступления наша дивизия была сильно обстреляна справа из леса. Генерал фон Борстель со своей (2-й) бригадой обратился против этого леса и взял его с первой попытки. В этих густых зарослях неописуемо перепутались теперь русские, французы, поляки. Всякий обзор отсутствовал, друг часто стрелял в друга. Генерал фон Борстель беспощадно продолжил своё энергичное наступление на противника вплоть до опушки, велел занять и очистить лес. Здесь дело дошло до непрерывного огневого боя, в котором русские задействовали против нас даже артиллерию».

Вестфальцы, скорее всего, столкнулись с егерями генерала Шаховского, а в северо-западном углу Утицкого леса действовала 4-я пехотная дивизия генерала Ж.Б. Фридрикса, сменившего раненого генерала Ж.М. Дессэ. Предположительно напротив этой дивизии и находился отряд Сиверса. «Когда две передние флешы нашими войсками оставлены были, — пишет Сиверс, — усмотрел я намерение *неприятеля, в нескольких колоннах пехоты и кавалерии* следующего, под прикрытием тиральеров [стрелков], обойти наш левый фланг, чрез что мог бы зайти в тыл всей нашей позиции... В ту минуту взяты были мною от ближайшей батареи *два батарейных орудия и три легких, и поставлена батарея гораздо впереди позиции 2-й армии, на пригорке возле самого лесу*; действие картечных выстрелов по оным колоннам было столь разительно, что колонны были опрокинуты».

В 10-м часу мимо этого места проходила 17-я пехотная дивизия, которую командир 2-го корпуса генерал К.Ф. Багговут вёл к Тучкову.

Багговут пишет, что «немного левее центра» он встретил отряд Сиверса, «у коего занимала *высоты конная артиллерия* [видимо, 8-я конная рота], которая по малости ее калибра не могла вредить достаточно неприятелю, почему я приказал сменить батарейною ротою № 17 командуемою полковником Дитериксом 2-м, дав ему к прикрытию Рязанский пехотный полк, а дабы не дать неприятелю занять *находящейся неподалеку в левой руке оной батареи кустарник*, приказал Брестскому полку рассыпать по оному стрелков и непременно удерживать неприятеля». В донесении Кутузова сказано, что это были «высоты, находящиеся при деревне Семёновской», и генерал П.И. Ивелич 4-й «устроил сильные на оных батареи, чрез что *восстановил тесную связь* между левым крылом армии и 1-й гренадерской дивизией». Следовательно, Брестский полк достаточно далеко распространился к югу в Утицком лесу.

«Как только было все устроено, — продолжает Багговут,— помянутая батарея заставила неприятеля открыть по оной сильную канонаду, *сближая свои батареи к батареям нашим под прикрытием 3-х сильных колонн пехоты*, но удачное действие нашей артиллерии в одно мгновение изпровергло предприятие его и тот же час колонны сии отступили за лес и артиллерия так же удалась». Сиверс пишет, что неприятель попытался сбить батарею, «мною у лесу поставленную, однако в том не успел, а вместо того она батарея с помощью других... причинила большой вред, как неприятельской батарее, так и его войскам».^v Из наградных документов видно, что полковник И.И. Дитерикс 2-й развернул не только свою, но и 33-ю легкую роту подполковника Ф.М. Башмакова и с «дистанции оружейного выстрела, действовал искусно и удачливо *по неприятельским батареям, опрокинул несколько раз колонны и кавалерию французскую*», и, будучи

ранен, не оставил своего места. А штабс-капитан П.П. Щепотьев, «находясь на левом фланге батареи полковника Дитерихса 2-го, искусно действовал из своих орудий, притом, когда на подбитые его орудия напали *конные французы и егери* он с несколькими канонирами запутывали его на отвозе», так что орудия были спасены. Любенков вспоминал, что 33-я рота «хлынула картечью, опрокинула колонны, отряды *неприятельской кавалерии* смешались и линия врагов подалась назад, стрелки наши бросились вперед, завладели высотами, мы твердо стали на этой позиции». Через некоторое время сюда приехал Багговут. «У вас очень жарко, сказал он; мы греемся с неприятелем, отвечали мы. — Вам нужно подкрепление, стойте, братцы, ни шагу, вы изумляете неприятеля». ^{vi}

После отражения неприятеля на батарее осталось лишь по несколько зарядов на орудие. Некий унтер-офицер Литовского уланского полка попросил у Любенкова разрешения «слетать за ящиком к неприятелю». Помчавшись вперед, храбрец привёз зарядный ящик, брошенный русскими во время контратаки. «Заряды пришлись по калибру легких наших орудий, — пишет Любенков, — и мы с радостью их разделили как драгоценную добычу, выхваченную из рук неприятелей... Граф *Сиверс*, как главный начальник нашего отряда, поздравил храброго унтер-офицера». Поскольку «люди у орудий были изранены, мы их заменили рядовыми из Рязанского и Брестского полков, нас прикрывавших; на лошадей посажены были лихие ратники Московского ополчения». Сиверс также упомянул полкового писаря Литовского уланского полка, который вовремя подвёз зарядный ящик, «и когда неприятель сделал новое покушение на батарею, орудия действовали вторично столь хорошо, что неприятель принужден был поспешно отступить в совершенном беспорядке. Невзирая на

недостаток зарядов, *оние пять орудий* мною удержаны были под прикрытием егерей, пехоты, под командою генерал-майора Шаховского, и Литовского уланского полка до самого вечера». ^{vii}

Между тем, 2-я бригада 17-й дивизии генерала Я.Е. Вадковского была направлена на помощь к Тучкову, — пишет Багговут, — «с 6-ю орудиями батарейными № 17-й роты (которые взяты были с батареей выше сего помянутых вместо коих поставлены были 6 же орудий легкой № 39 роты)».

Прибытие войск Багговута ощутили на себе и вестфальцы. «Русские значительно усилили, — вспоминал Л.В. Конради, — своё левое крыло и оттесняли 5-й корпус всё дальше и дальше назад. Против нас также выступали из порохового дыма всё новые массы неприятеля, и его огонь становился столь подавляющим, что мы, хотя и медленно, должны были отойти. Был убит генерал Дама, генерал Тарро был тяжело ранен... Превосходящие силы русских сбили нас со всех позиций, добытых с большим трудом. Лишь позади вышеупомянутого оврага нам удалось остановиться и вновь построить поредевшие батальоны. Противник также не отважился преследовать далее, так как он, видимо, опасался оказаться отрезанным польским корпусом». Конради не называет точного времени этого боя, но другие мемуаристы пишут, что генерал Ж.В. Тарро был тяжело ранен двумя выстрелами в низ живота *около полудня*. Вследствие этого генерал Борстель, легко раненый в плечо, принял командование дивизией, полковник Бернар — 2-й бригадой, а подполковник Лоссберг — 3-м линейным полком.

Понеся значительные потери, особенно в командном составе, вестфальцы были вынуждены ограничиться перестрелкой с русскими егерями. Те, по признанию Конради, «оказали чрезвычайно упорное сопротивление нашему наступлению. Мы не двигались вперёд и долгое

время лежали, стреляя друг в друга. Наши потери здесь были незначительны, поскольку русские стреляли слишком высоко, как можно было судить по ветвям и обломкам деревьев, массами падавшим сверху». Р. Солтык, возвращаясь в 12-ом часу от поляков к центру, «встретил вестфальскую дивизию, также рассыпавшуюся в стрелки и выдерживавшую... ожесточённый бой против пехоты московитов. Перестрелка здесь была настолько оживлённой, что в один момент моя лошадь получила пулю в голову и в то же время гарда и ножны моей сабли были разбиты».^{viii}

Слева до вестфальцев доносился оглушительный шум боя за деревню Семёновское, а когда последняя была взята французами, стал ослабевать и огонь противостоящих им русских егерей. Похоже, что тогда маршал Ней в очередной раз велел вестфальцам двинуться вперёд. «В 1 час дня, — пишет Лоссберг, — наш 8-й корпус получил приказание продолжить начатое им движение на правый фланг для подкрепления 5-го корпуса. После упорного кровопролитного боя лес был взят нашим корпусом, развернувшимся в линию и имевшим несколько батальонов в резерве, однако правая его часть, где лес был глубже и связывался с тылом посредством лежащих позади перелесков, всё ещё оставалась в руках русских, почему мы принуждены были занять здесь фланговую позицию». По словам Конради, русские отступали в полном порядке, постоянно отстреливаясь и нанося вестфальцам значительный урон. «Шум бушевавшей справа от нас борьбы, — пишет он, — всё больше ускорял наше наступление, несмотря на то, что мы находились в сфере самого действенного огня неприятельской артиллерии. Лес стал немного реже, и я смог, двигаясь верхом рядом с моей гренадерской ротой, обозреть уже часть поля боя 5-го корпуса». В два часа пополудни вестфальцы

установили, наконец, связь с 5-м корпусом и остановились на отвоеванной позиции, чтобы немного отдышаться.^{ix}

Между тем Багговут всё настойчивее требовал к себе 4-ю дивизию, оставленную севернее д. Семёновское, но без разрешения Баркляя де Толли Евгений Вюртембергский не мог этого сделать. Лишь после того, как А.И. Остерман-Толстой с 24-й дивизией сменил его, он двинулся на левый фланг с Кременчугским и Минским полками бригады Д.И. Пышницкого, оставив 1-ю бригаду (атакованную в тот момент французской кавалерией) в центре позиции. Поскольку возле Семёновской и южнее её шла борьба, принцу Евгению пришлось идти окольным путём. «Когда я, — пишет он, — проходил со 2-ю бригадою недалеко от московской милиции, то начальники ее, вообразив, что я отступаю, встревожились». Эту бригаду, — пишет Багговут, — «я поставил *между нашим левым флангом и отрядом генерал-майора графа Сиверса*, имея таким образом связь с сим генералом, артиллерию же с ним прибывшую поставил 6 орудий 4-й батареей вместо же батареей № 17-й, а другие 6 орудий командировал к отряду графа Сиверса». Кременчугский полк был оставлен прикрывать батарею, а Минский — отряжен в стрелки.^x

После того как 23-я вестфальская дивизия продвинулась вперёд, генерал Охс, «который до сих пор стоял со 2-й [24-й] дивизией позади укреплений для их прикрытия, теперь спустился на равнину. Подполковник фон Раушенплатт с 1-м лёгким пехотным батальоном находился во главе (колонны) и был тотчас атакован сильным неприятельским кавалерийским полком, но он открыл по нему с короткой дистанции такой эффективный батальный огонь, что тот отступил с большими потерями. Генерал Охс последовал теперь с вестфальской гвардией и успешной дальнейшей атакой овладел

равниной». Другие источники говорят, что батальон Раушенплатта отразил несколько атак русской кавалерии, «но его хорошо направленный огонь в упор расстроил противника, и фронт батальона был покрыт его трупами».

Быть может, к этому времени можно отнести эпизод, описанный старшим вахмистром 2-го кирасирского полка О. Тирионом. После безуспешных атак на русские гвардейские каре кавалерия Нансути долгое время стояла в первой линии, подвергаясь губительному обстрелу русских орудий. «Наконец, — рассказывает Тирион, — подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделённая от русских двумя шеренгами наших лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом “повзводно направо” мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперёд, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумлённые подобной близостью орудий,... начали кричать: “Wir bleiben nicht hier!” (Мы не останемся здесь) — и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать или, вернее, успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим маневром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили её спуститься на несколько шагов, с расчётом укрыть людей от огня русской артиллерии... Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей её кавалерии. Тогда русской артиллерии и кавалерии, очутившейся в 85 шагах под огнём пехоты вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня»^{xi}.

Сиверс пишет, что по его просьбе Багговут *«откомандировал ко мне шесть орудий* батарейной роты № 4-го под командою поручика Вейде. Я приказал ему *занять высоту на правой стороне*, и сия батарея успешно действовала и неприятельскую, много вредившую нашей кавалерии, заставила замолчать». Любенков рассказывает, что «Сиверс, не имея уже при себе адъютантов, которые были все разосланы, и заметив, что неприятельские колонны сильно напирают, сказал мне: Я останусь вместо вас, скачите скорее к поручику Вейде (он стоял с 6-ю орудиями *правее нашей батареи*); пусть он обратит все свои выстрелы против колонн, а не против неприятельских батарей». Любенков пустился в карьер, пронёсся посреди неистовой схватки *Малороссийских кирасир с французскими латниками* и потерял лошадь. «Достигнув пешком батареи Вейде, я увидел храброго офицера с пробитой пулею рукой, кровь текла из нее, но он не обращал внимания» и продолжал командовать. «Неприятельская пехотная колонна и кавалерия, — пишет Сиверс, — были остановлены в овраге встретившими их картечными выстрелами; сия батарея, выстрелив также заряды..., отступила тогда уже с высоты, когда центр 2-й армии подался назад». Из этих показаний видно, что батарея И.Г. фон Дервейде 1-го располагалась на правом фланге отряда Сиверса, соприкасаясь с кирасирами. В наградном документе сказано, что орудия Дервейде своим огнём заставили «молчать находившуюся впереди неприятельскую батарею, облегчили к прибывшему тогда к сим орудиям прикрытию опрокинуть наступавшую неприятельскую колонну».^{xii}

Продвижение вестфальцев опять застопорилось. Вскоре после двух часов дня, по словам капитана Ж.М. Жиро де л'Эна, маршал Ней послал его к генералам Фридриксу и Жюно с приказом наступать.

«Генерал Фридрикс, — пишет капитан, — повиновался приказу и занял позицию так, что имел вестфальцев в аръергарде, соприкасаясь справа с польским корпусом князя Понятовского». Видимо, с 4-й дивизией двинулся и испанский полк «Жозеф Наполеон», который прикрыл её левый фланг. «Жюно я нашёл, — продолжает Жиро, — на лесной поляне. Он сошёл с лошади и приказал солдатам составить ружья в козлы. По-видимому, он не был расположен тронуться с места. На всё сказанное мною он не обратил ни малейшего внимания и вёл себя так же, как и при Валутиной горе». Вместо того, чтобы идти вперёд, Жюно потребовал выдвижения войск 5-й дивизии, стоявших к югу от «флешей». Генерал П.Ж. Гюйарде, командовавший 25-м и 61-м линейными полками 5-й дивизии, доносил: «В 2 с половиной часа я получил приказ герцога д'Абрантес двинуться вперёд для поддержки корпуса вестфальцев, который двинулся вперёд для вытеснения из леса, располагавшегося на краю равнины, находившиеся там колонны неприятеля». Судя по рассказу старшего сержанта В.А. Фоссена, это же движение исполнил и 111-й линейный полк той же дивизии.^{xiii} Однако, рапорты французских генералов и сочинения мемуаристов не содержат никакой информации о боевых действиях в этом районе.

Окс пишет, что «около 3 часов пополудни Ней получил приказ прорвать неприятельскую линию слева от этого леса недалеко от Семёновской; но русские, которые, вероятно, догадались об этом намерении, стянули на этот пункт большие массы войск, и началась смертельная борьба. Особенно разрушительно действовал артиллерийский огонь неприятеля. По категоричному приказанию Ней, вестфальский егерско-карабинёрный батальон, вооружённый нарезными ружьями, должен был поэтому в развёрнутом строю приблизиться к русским батареям, чтобы прицельным огнём убить

неприятельских канониров». Солдат этого батальона А. Флек рассказывает, что когда егеря проходили мимо батальона А. Раушенплатта, тот «принял нас за русских из-за нашего зелёного обмундирования и велел нас обстрелять. Наше счастье, что мы находились довольно далеко от этого батальона, поэтому пули ранили лишь немногих из нас, попав в ноги и обувь. В наказание за эту ошибку названный майор фон Раушенплатт должен был со своим батальоном вместо нас произвести атаку на противника, каковой приказ он исполнил с величайшею храбростью». Подобные недоразумения были не единичны. «В этом лесу, — пишет Лоссберг, — против русских сражались не только поляки и вестфальцы, но также несколько французских батальонов, так что многие люди были убиты своими же, ибо здесь, как и во всяком лесном бою, царил большой беспорядок, особенно до того момента, пока мы не вышли на одну линию с поляками. Несколько часов мы провели в бездействии, ожидая приказаний, и в это время потеряли нескольких солдат от ружейных пуль, о которых никто не знал, откуда они выпущены. Так, правее нас был ранен командир наших гвардейских гренадеров (майор Мюльднер)».^{xiv}

Вероятно, 4-я дивизия Фридрикса атаковала бригаду графа Ивелича, о чём пишет в рапорте Багговут: «Генерал сей с 4-я ротами Брестского пехотного полка пошел на неприятельскую колонну, сделав залп из ружей, бросился с штыками на превосходство неприятеля орудии, у него в колонне находящейся, не допустили совершить его намерение», однако, получив жестокое ранение, «должен был податься несколько назад, довольствуясь только тем, что не допустил сбить наши батареи». Наградные документы гласят, что офицеры Брестского полка «поощряли молодых солдат, удерживали их в своих местах и

бросались перед ними сами вперед, также собственным примером удерживали от робости и тем понудили жестоко ударить в штыки». (Очевидно, что речь идёт о рекрутах, приведённых к армии Милорадовичем, и распределённых по полкам). Что касается Рязанского полка, то часть его под командой майора Нелидова была откомандирована в стрелки, а батальон майора Лау находился «в прикрытии батареи при наступлении неприятельской колонны, бросился в штыки, рассеяв оную, и преследовал до неприятельской батареи».^{xv}

Эту стычку подробно описал Любенков: «Колонна *французских гренадеров*, до пяти тысяч с красными распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как *черная* громовая туча, неслась прямо на нас... У нас потеря была значительна; храбрая бригада Брестского и Рязанского полков, бросаясь в продолжение дня несколько раз в штыки, расстроила себя. Генерал граф Ивелич, командующий ею, был ранен, но не оставлял своего места. Мужественный Литовский уланский полк не менее потерпел от непрерывных атак, нам оставалось погибнуть. Неустрашимый граф Сиверс ободрял нас, мы решились идти на смерть. Офицеры артиллерии были перебиты, оставались только я и боевой поручик Тишинин... Мы обнялись с ним и хладнокровно ожидали врагов, не желая им дать даром ни выстрела, и с уверенностью объявили прикрытию, что на его долю будет половины этой колонны».

Французы «с диким криком приблизились, мы встретили их картечью, и страшная колонна поколебалась. *Начальники их кричали: allons! avancez!* Ряды мгновенно замещались, они выстраивались чрез трупы своих и двигались плавно, величественно. Брызгнули еще картечью. Новое поражение, колонна смешалась, но крики начальников

не умолкали и она, опять стройная, двигалась. Для нанесения решительного поражения и замедления ее на ходу мы начали действовать залпами из полубатарей, выстрелы были удачны, разредела эта страшная туча, музыканты и барабаны замолкли, но враги опять шли на смерть... Эскадроны Уланского полка бросились в атаку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убийственный батальный огонь, кавалерия наша была отбита и возвратилась. Граф Сиверс, бесстрашие которого в этот день было свыше всякого описания, видя, что не остается у нас более зарядов, приказал взять на передки, и прикрыл наше отступление *егерями*». Сам Сиверс писал: «Когда неприятель *в третий раз* покусился атаковать батарею из пяти орудий под лесом находящуюся, за неимением при орудиях зарядов, нечем было неприятеля встретить; тогда приказал я и сии пять орудий свезти, что и учинено было под прикрытием атаки Литовского уланского полка на неприятельскую пехотную колонну; но другая колонна, по опушке леса следующая за лощиною, понудила уланский полк к отступлению, которой, пройдя кустарники, пристроился опять к батареям на левом фланге кирасирской дивизии».

«Мы сделали, — продолжает Любенков, — последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти перед батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились в штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросались; это бой свирепых тигров, а не людей, и тогда как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками, рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш, с громовым ура! бросился к

терзающимся колоннам, более ни кого уже не оставалось — и мрачная колонна французских гренадеров опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню».^{xvi} Итак, судя по рассказу Любенкова, на правый фланг отряда Сиверса наступали французские части.

На левый же его фланг двинулись вестфальцы. Багговут пишет, что Ивелич, «уведомив между тем и меня о сем происшествии, прося себе подкрепление. Для чего командировал я генерал-майора Ватковского с Вильманstrandским пехотным полком, дав ему в подкрепление из Московского военного ополчения 500 человек и приказав ему также соединиться с Рязанским полком и опрокинуть непременно неприятеля, который едва только что с сим отрядом показался; невзирая на сильной ружейной огонь бросился в штыки и опрокинул неприятеля, причем он получил сильную контузию, а полковник Сокарев, командующий Вильманstrandским полком, ранен пулею». Из наградных документов видно, что упомянутый полк первоначально «был рассыпан в стрелках», а затем собран в колонну и «атаковал два раза в штыки». Вступивший в командование полком майор И.В. Гремов «высылал стрелков, где требовала надобность». «Штабс-капитан Лосенков с помощью подпоручика Гротгуза и прапорщика Путиловского, собрав до двух сот человек, вторично послан был по повелению графа Орлова-Денисова в стрелки, где удерживали неприятеля до самой ночи». Прочие офицеры «с ревностью помогали собирать рассыпанных людей», а подпоручик «Моллер 1-й сам лично взял в плен старшего адъютанта герцога Дабрантиса, маршала Жунота, полковника Делия — графа».^{xvii} Речь идёт об адъютанте генерала Жюно шефе батальона А. Делаграве, и следовательно, полк сражался против вестфальцев.

«В самое сие время, как оное происходило,- продолжает Багговут, имея в виду атаку на бригаду Ивелича, — *неприятельские сильные две колонны* с 4-я орудиями пробирались лесом между нашим левым флангом и бригадою графа Ивелича дабы совершенно отрезать сего последнего от соединения со мной и зайтить ему в тыл. Баталион Таврического гренадерского полка, находившийся в сей дирекции, встретил неприятеля сильным ружейным огнем и тем его приостановил, потом рассыпав две роты в стрелки, а с остальными двумя ротами отступил на дорогу, которая нас соединила с центром армий, я уведомивши об оном командировал генерал-майора князя Шаховского с Минским пехотным полком, приказав ему отразить непременно неприятеля, которой экспозицию сию окончил весьма удачно, ибо неприятель немедленно отступил». У Е. Вюртембергского сей момент описан немного иначе: «Одна *вестфальская* колонна прорвалась... в промежуток между нами и прочею армией. Багговуд не согласился со мною, чтобы это был неприятель. Князь Шаховский взялся разведать это с стоявшим под рукою Минским пехотным полком и своими егерями. Но Минский полк, не соблюдая должной предосторожности, пошел прямо на встречу *вестфальцам*, был встречен картечью и потерпел некоторый урон». При этом шеф Минского полка полковник А.Ф. Красавин, «находясь под сильным пушечным огнем,... получил сильную в ногу от ядра контузию», а принявший после него команду майор П.О. Годлевский 2-й, «быв отряжен с полком в стрелки», также получил ранение и заменён майором Д.Д. Красноперским.

Видимо, в этом месте наступление вели вестфальцы под командой генерала Охса. «*Батарея, выставленная на одной возвышенности в этом лесу,* — пишет биограф генерала, — а также большое число

скрытно расположенных в нём снайперов, казалось, не хотели отступать и причиняли вестфальцам много вреда. Поэтому Ней поручил генералу фон Охсу взять штурмом этот лес. Поскольку генералы 1-й дивизии были убиты или ранены, то Охс, с согласия маршала, оставил 2-ю дивизию и отправился к 1-й бригаде 1-й дивизии, стоявшей ближе всего в лесу». По словам адъютанта Охса капитана Борке, это произошло около 16 час. Генерал прискакал к 6-му линейному полку, встал во главе 2-го батальона подполковника Х.В. Юнгкурта и, сделав поворот направо, повёл войска беглым шагом против кургана. «Русские были так заняты отражением атаки на их фронт, — пишет Конради, — что заметили наше приближение только тогда, когда мы бросились на них с громким “Ура!”. Хотя они держались храбро, но... дабы избежать уничтожения, начали отступление. Вскоре лес скрыл их из виду».^{xviii}

В полуденные часы «неприятель потянулся с нашего левого фланга к стороне отряда Сиверса». В то время, когда основные силы вестфальцев помогали полякам в атаке на Утицкий курган, 2-я бригада 23-й дивизии, при которой находился Жюно, наносила удар по фронту. Она выстроилась в лесу в колонну, имея впереди 3-й линейный полк, за ним два батальона 7-го линейного (3-й батальон был оставлен в одном из захваченных укреплений, где потерял множество людей от артиллерийского огня). 2-й лёгкий пехотный батальон Бёдикера ещё раньше выдвинулся левее колонны в нескольких сотнях шагов и сражался в развёрнутом строю. Во время атаки колонна прошла через правый фланг этого батальона, рассыпавшегося в цепь, после чего они вместе продолжили наступление. Капитан этого батальона Линзинген вспоминал, что после получения известия о взятии центрального редута, около 16 часов «наша бригада также пошла теперь в атаку.

Стрелки впереди, батальон следовал в колонне. Сначала русские осыпали нас огнём, но затем, не дожидаясь нашей атаки, в хорошем порядке отошли на расположенную позади новую позицию. Они удержали занятый только небольшой лесок слева от нас. Наш батальон получил приказ захватить его. Батальон двинулся против него беглым шагом. Наш командир, подполковник Бёдикер, шёл впереди батальона, воодушевляя его словом и своим примером, когда получил пулю в рот». Сам Бёдикер, потерявший уже трёх лошадей и вынужденный идти пешком, писал, что около 16 часов он был послан преследовать отходящих русских, причём, «у берёзового леска выдержал ещё один сильный бой, который, хотя и вёлся только ружейным огнём, однако причинил батальону чрезвычайные потери. В течение дня были потеряны убитыми и ранеными только один офицер и около 50 солдат, а после этого сильного огневого боя потери батальона убитыми и ранеными достигли 10 офицеров и 341 солдата. В конце боя я сам получил выстрел через рот в левую челюсть, так что пуля наполовину застряла там. Поскольку этот выстрел свалил меня на землю, старший адъютант Шпангенберг велел нескольким солдатам отнести меня назад на двух ружьях».

«Поскольку, — продолжает Линзинген, — оба старших капитана батальона были уже ранены, я принял командование. Русские удерживали опушку леса и стреляли в нас до тех пор, пока мы не подошли на 40 шагов, затем они отошли назад. В лесу вскоре вновь завязалась борьба. С обеих сторон сражались ожесточённо. Наконец, русские отступили из леса. Я занял опушку и велел изо всех сил обстреливать отходящего неприятеля». Лоссберг, получивший сильную контузию выше колена, рассказывает, что по выходе в поле бригада «развернулась и стояла так некоторое время под сильным огнём ядер и

картечи, затем она наступала вправо и сомкнулась в колонну, в которой бегом бросилась в атаку на линию русской пехоты, пытаясь охватить её с двух сторон. Противник подпустил нас на 100 шагов, после чего нас остановили, так что он отошёл в лесок, лежащий в 100 шагах позади». Адъютант Лоссберга младший лейтенант Бауке был убит в тот момент, когда он хотел передать ему устное приказание полковника Бернара, чтобы бригада остановилась. «Второй посланный офицер (капитан фон Вольф) из штаба генерала фон Борстеля, подвергся такой же участи: проговорив несколько непонятных слов, он упал с лошади: пуля пробила ему голову; после этого прискакал полковник Бернар и подал команду: “бригада — стой!”, которую, я не скрываю, повторил весьма неохотно, так как я был убеждён в том, что, если бы мы бросились в атаку на неприятельскую линию, то потеряли бы на половину меньше людей, чем дав противнику время в порядке отступить к расположенному позади лесу. Впрочем, на этом месте командовал сам Жюно, и генерал фон Борстель, бывший при бригаде, поручил исполнение полковнику Бернару». Во избежание напрасных потерь от картечного огня, Лоссберг построил свой полк в линию перед лесом. Жюно в тот момент находился в 20-ти шагах от правого фланга полка, и, когда подполковник подошёл к нему, «он сказал: “Вы хорошо сделали, выстроив полк в линию; как фамилия того капитана, который командует вашими гренадерами?” — “Лёффен, — ответил я, — но он пока только лейтенант”. После этого он перебил меня: “Этот офицер храбр, он заслуживает награды”. В это время офицер этот, с величайшим хладнокровием, сомкнул ряды, разреженные только что перед этим картечным залпом, причём его кивер был прострелен несколькими пулями, что было замечено и Жюно». По мнению Лоссберга, Жюно не стал менее храбрым, чем прежде, но

полководческих способностей он был лишён начисто.^{xix}

Сиверс писал, что оба полка «князя Шаховского, подкрепленные одним [Минским] полком корпуса генерала Баггевута, удерживали стремление неприятеля до наступления ночи».

«Мои часы показывали 6, когда сражение на всех пунктах было решено в нашу пользу, — зафиксировал Лоссберг. — Только в лесу, впереди нашего фронта, держался ещё упорно арьергард значительной силы. Но и начальник дивизии фон Охс, которому Жюно в этом месте поручил командование 3 вестфальскими пехотными бригадами [в другом месте автор указал, что это произошло около 18 час.], выслал из всех полков вольтижёров, чтобы очистить лес от неприятельской пехоты, приносившей нам значительные потери; при этом мы понесли опять некоторый урон убитыми и ранеными. Все эти потери были вызваны тем, что наша 2-я бригада, при её последней атаке, была остановлена по приказанию Жюно перед лесом, вместо того, чтобы на плечах русских ворваться в него». «Генерал фон Борстель, — пишет Линзинген, — который ещё во время сражения с перевязанной рукой принял вновь руководство над нами, вечером приказал мне с моим батальоном прикрыть фронт бригады, которая расположилась биваками на своей последней боевой позиции».

Подводя итоги нашего исследования, следует подчеркнуть следующее. В связи с тем, что основной удар противника пришёлся на Багратионовы «флеши» и д. Семёновское, туда были стянуты основные силы 2-й русской армии и большая часть подходивших на левый фланг подкреплений. В связи с этим на крайнем левом фланге 2-й армии осталось очень мало войск (Литовский уланский полк, конно-артиллерийская рота и часть московских ополченцев), чтобы прикрыть его от обхода и держать связь с группой Тучкова 1-го. С

другой стороны, противник, понеся тяжёлые потери при взятии «флешей», с трудом пробивался через Утицкий лес, постепенно наращивая свои силы за счёт вестфальцев и некоторых полков 4-й и 5-й пехотных дивизий. Русским также пришлось остановить здесь часть войск Багговута, изначально направленных на усиление группы Тучкова. Количество противоборствующих войск с обеих сторон постепенно росло, и соотношение сил здесь было примерно равным. Обороняющимся помогала лесистая местность, так что быстрого продвижения у неприятеля здесь не могло получиться. Всё это обусловило затяжной характер боёв на данном участке противоборства, не принеся значительного успеха наступающей стороне. Противнику не удалось прорвать русский фронт, который отступил на одном уровне с войсками Багговута. Несмотря на относительно небольшое количество сражавшихся здесь войск, мужество и упорство, которые они проявили, было таким же, как и на других участках сражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине..., рапорты Багговута, Строганова, Шаховского в кн.: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962 (далее: Бородино); Рапорт Сиверса в кн.: *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 2. СПб., 1860. С. 574-77; Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского // Военный журнал. 1948. № 1 (далее: Вюртембергский); *Württemberg E.* Erinnerungen... Breslau. 1846; Скугаревский А.П. Бородино. СПб., 1912. *Kukuiel M.* Jazda polska nad Moskwa. Poznan. 1919. S. 63-69; Ibid. Les Polonais à la Moscova // *Revue des études napoléoniennes.* 1929. Т. 28. Janvier. P. 10-31, 74-93.

ⁱⁱ *Lossberg F.* Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. № 1; *Lossberg F.W.* Briefe in die Heimath... Cassel. 1844; *Biographie des Generals von Ochs.* Cassel. 1827; *Conrady W.* Aus stürmischer Zeit Berlin. 1907; *Borcke J.* Kriegerleben. Berlin. 1888; *Bödicker L.* Die militarische Laufbahn... // Beiheft zum Militär-Wochenblatt. 1880. Hft. 1; *Meyer J.* Erzählung der Schicksale und Kriegsabenteuer. Göttingen. 1838; *Fleck A.* Beschreibung meiner Leiden und Schicksale... Hildesheim. 1845; *Linsingen.* Auszug aus dem Tagebuch... // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894. Hft. 7; *Wagner F.L.* Tagebuch // *Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine.* 1899. Bd. 111; *Wesemann H.* Kanonier der Keisers. Köln. 1971.

ⁱⁱⁱ Бородино. С. 80, 88.

^{iv} *Богданович.* Указ.соч. Т. II. С. 574-76; *Капитонов А.* Одна война – четыре

кампании // Родина. 2002. № 8. С. 70.

^v *Богданович*. Указ.соч. Т. II. С. 576; Бородино. С. 138, 185; *Soltyk R.* Napoleon im Jahr 1812. Leipzig. S. 225.

^{vi} Бородино. С. 245-48; *Любенков*. Указ.соч. С. 29-31. Судя по рассказу Любенкова, артиллерия 2-го корпуса раньше пехоты прибыла на новую позицию. Ларионов верно заметил, что Багговут упоминает о действиях с корпусом только 4-й и 17-й батареиных и 33-й лёгкой рот (*Ларионов А.П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. Сб. статей. М., 1962. С. 127).

^{vii} *Любенков*. Указ.соч. С. 38-40; *Богданович*. Указ.соч. Т. II. С. 576.

^{viii} *Conrady*. Op.cit. S. 273-74; *Лоссберг*. Указ.соч. С. 32; *Soltyk*. Op.cit. S. 234.

^{ix} *Лоссберг*. Указ.соч. С. 37; *Lossberg*. Op.cit. S. 170; *Conrady*. Op.cit. S. 275.

^x *Вюртембергский*. Указ.соч. С. 69, 70; Бородино. С. 186; *Hoffmann*. Tagebuch des 2-ten russischen Corps... Th. 1. Münster. 1830. S. 42. Заметим, что из рапорта Багговута не ясно взаиморасположение бригад Ивелича и Пышницкого, но можно догадаться, что последняя встала слева от отряда Сиверса.

^{xi} *Biographie des Generals von Ochs*. S. 252-53; *Chiquet. A.* 1812. P. 1912. Ser. 1. P. 72, 73; *Лоссберг*. Указ.соч. С. 38; Французы в России. Т. 1. М., 1912. С. 152.

^{xii} *Богданович*. Указ.соч. Т. II. С. 576; *Любенков*. Указ.соч. С. 56, 59-60; Бородино. С. 238. Некоторые авторы неточно пишут, будто часть орудий 4-й и 17-й батареиных рот сражались возле флешей (*Ларионов*. С.127; *Крылов В.М.* Кадетские корпуса... СПб., 1998. С. 236-37).

^{xiii} Французы в России. Ч. I. С. 143-44; *Girod de l'Ain*. Dix ans de mes souvenirs militaires. P. 1873. P. 86-87; *Ternaux-Compans*. La général Compans. P. 1912. P. 358; Дневник поручика Фоссена//РА.1903. С. 471; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 353. Адьютант генерала Жакино капитан В. Дюпюи рассказывает, что, воспользовавшись небольшой передышкой после взятия батареи Раевского (то есть, между 3 и 4 часами дня), он «сопровождал генерала Жакино во время визита, который он нанёс герцогу д'Абрантес, который находился с вестфальцами на небольшом расстоянии от нашего правого фланга. Тот обедал и предложил нам сделать то же самое, на что мы с удовольствием согласились. Лет восемь или десять назад я видел в Булонском лагере красавца генерала Жюно, который лицом, осанкой и манерами превосходил всех офицеров армии! Но какая перемена! Вместо адьютанта императора, которым восхищался весь мир, я увидел толстого человека со сгорбленной спиной, с лицом, поглупевшим и отталкивающим, одетого с небрежностью в скверный сюртук» (*Дюпюи V.* Souvenirs militaires. Paris. 1892. P. 179).

^{xiv} *Biographie des Generals von Ochs*. S. 253; *Fleck*. Op.cit. S 28-29; *Лоссберг*. Указ.соч. С. 40-41.

^{xv} Бородино. С. 186, 238-40.

^{xvi} *Любенков*. Указ.соч. С. 45-50; *Богданович*. Указ.соч. Т. II. С. 577. Любенков пишет, что эта атака началась через четверть часа после того, как их батарея обстреляла колонну, в которой ехал сам Наполеон. Император покинул свой командный пункт в 15-16 часов. О том, что это наступление вела 4-я дивизия Фридерикса свидетельствует, помимо рассказа Жиро де л'Эна и то, что команды отдавались на французском языке, а на знамёнах вестфальской пехоты не было красного цвета. Капитан 85-го полка Шапюи описал, каким образом ещё утром приказал наступать Фридерикс - быстрым шагом и под бой всех барабанов

(Французы в России. Ч. I. С. 143; *Chapuis F.* Bataille de la Moskowa//Biblioteque et historique militaire.Т.7. Р., 1853. Р.578).

^{xvii} *Лосцберг.* Указ.соч. С. 38; *Lossberg.* Op.cit. S 172; *Linsingen.* Op.cit. S. 283; *Bödicker.* S. 273; Бородино. С. 186, 244-45. Молодых рекрутов во 2 корпус поступило 2786, в то время как в 3 корпус — всего 451. «Подполковник Андрей Де-ла-Грав» отбывал плен в Саратове (*Шведов С.В.* Численность и потери русской армии в Бородинском сражении//Материалы научной конференции. Бородино. 1994. С. 117; *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов. 1912. С. 253).

^{xviii} *Biographie des Generals von Ochs.* S. 253-54; *Borcke.* Op.cit. S. 188; *Conrady.* Op.cit. S. 276.

^{xix} *Linsingen.* Op.cit. S. 283; *Lossberg.* Op.cit. S. 171; *Лосцберг.* Указ.соч. С. 38, 42.